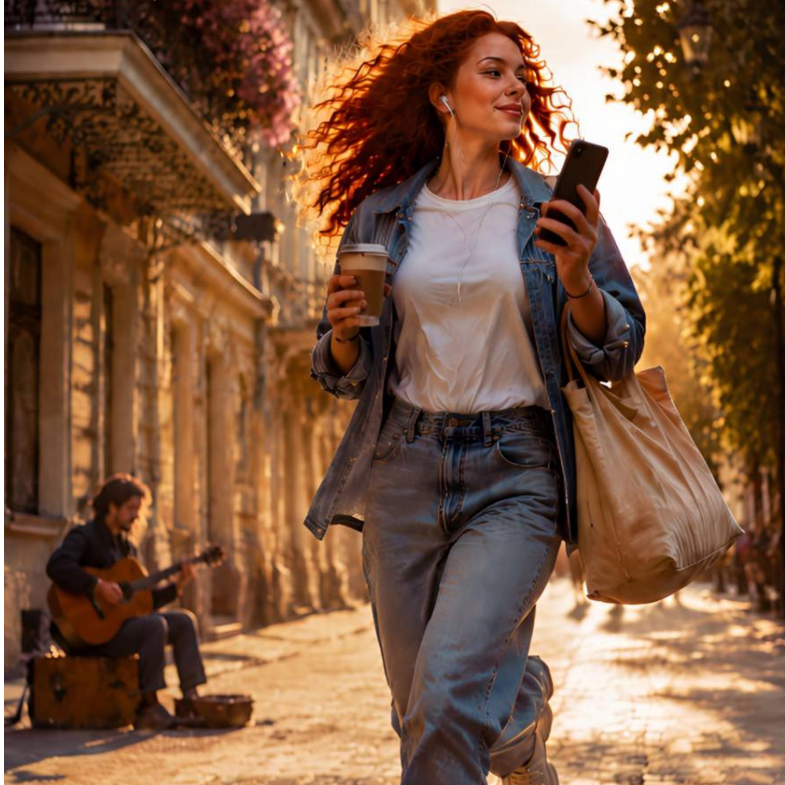

Прикольню

Рыжая Ведьма Прикольно

<https://litres.ru/74352938>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алиса – студентка-реставратор и преподаватель рисования, привыкшая жить в бешеном ритме. Кирилл – уличный музыкант и студент консерватории, который каждое утро наблюдает, как рыжая незнакомка в наушниках пробегает мимо. Она его не замечает. Он начинает ждать.

Случайный рисунок, заботливая подруга, навязчивый поклонник, бабушкино варенье и одна мелодия, написанная специально для неё, запускают череду событий, которые меняют обоих. История о том, как два человека, привыкшие быть одни, учатся слышать друг друга. И о наушниках, которые однажды перестают быть преградой

Содержание

Глава 1. Рыжий вихрь	4
Глава 2. Кофе и круассан	9
Глава 3. Силуэт	14
Глава 4. Бумажный подарок	19
Глава 5. Алиса в Стране чудес	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Рыжая Ведьма

Прикольно

Глава 1. Рыжий вихрь

Май в Москве – особенное время. Город, ещё не успевший раскалиться от летней духоты, дышал свежей зеленью и обещанием долгих светлых вечеров. На Арбате цвели липы, и их сладковатый запах смешивался с горьковатым ароматом свежемолотого кофе, который тянулся из открытых дверей кофейен, с терпким духом уличной пыли, поднятой ветром, и с чем-то ещё – может быть, с запахом нагретой за день брусчатки, которая веками помнила шаги миллионов прохожих. Старые дома с лепниной и коваными балконами смотрели на эту улицу уже второе столетие, и, казалось, сама история вплеталась в каждый кирпич, в каждую трещинку на мостовой. Где-то звенел трамвай, где-то смеялись дети, а со стороны сквера доносился переливчатый свист – там, как всегда, сидел на скамейке старик с клеткой, и его канарейка заливалась на всё окрестности, сама того не зная, становясь частью большой арбатской симфонии.

Кирилл сидел на своём обычном месте – деревянном ящике у стены дома с кованым балконом. Ящик был старый,

краска на нём облупилась, и кто-то когда-то нацарапал на боку: «Здесь был Вася». Кирилл не знал, кто такой Вася, но каждый раз, усаживаясь, машинально проводил пальцем по этой надписи. Гитара лежала на коленях – старая, с потёртым лаком, купленная три года назад на деньги, которые он копил всё лето, работая грузчиком в музыкальном магазине. Чехол расстелен у ног, и в нём уже поблёскивали первые монеты – дань от ранних прохожих. Он не торопился начинать играть. Утро было слишком хорошим, чтобы торопиться. Он просто наблюдал, как город наполняется движением, как открываются витрины, как дворник метёт брусчатку, как голуби, эти вечные хозяева Арбата, деловито вышагивают между столиками уличных кафе, выискивая крошки. Утренний Арбат был его сценой, его рабочим кабинетом, его способом дышать. Здесь он чувствовал себя частью чего-то большего – не просто студентом консерватории, не просто преподавателем музыкальной школы, а настоящим музыкантом, который дарит людям то, что умеет.

Он заметил её впервые в начале мая. Рыжие кудрявые волосы, развевающиеся на бегу, большая сумка через плечо, стаканчик кофе в одной руке и наушники в ушах. Она проносилась мимо него каждое утро – всегда в одно и то же время, всегда с одним и тем же выражением сосредоточенной спешки на лице. Иногда она жевала круассан на ходу, откусывая прямо на бегу и даже не глядя на то, что ест. Иногда что-то рисовала в блокноте прямо во время ходьбы – и это

было странно и завораживающе: человек, который настолько занят, что рисует на бегу. Но никогда – ни разу – она не посмотрела в его сторону. Ни разу не замедлила шаг. Ни разу не вынула наушники.

Сначала Кирилл просто отмечал её присутствие краем глаза. Рыжая. Быстрая. В наушниках. Он дал ей мысленное прозвище – Рыжий Вихрь – и забывал о ней через секунду после того, как она скрывалась за поворотом. Но шли дни, и он начал ждать. Сам того не замечая, он стал поднимать голову каждый раз, когда слышал быстрые шаги со стороны метро. Каждый раз – разочарование, если это была не она, и странное, необъяснимое тепло где-то под рёбрами, если она появлялась. Это было похоже на предвкушение – смутное, почти бессознательное, как ожидание первого аккорда любимой песни. Он ещё не знал, как её зовут. Не знал, куда она бежит каждое утро. Но он уже знал, что если однажды она не появится – ему будет её не хватать.

– Ты опять на неё смотришь, – заметила как-то Тамара Васильевна, его бабушка, которая жила в квартире напротив, через лестничную площадку, и иногда выходила по утрам на Арбат с пакетом из булочной. Она была невысокой, кругленькой, в неизменном цветастом платке, и держалась с тем особым достоинством, которое бывает только у женщин, проживших долгую и непростую жизнь. – Рыжая, с кофе. Я её уже неделю наблюдаю. Красивая. И худая очень – не ест ничего, наверное. У неё ещё сумка такая большая, будто она

в ней все учебники мира таскает. Ты бы подошёл, что ли. Познакомился.

– Бабушка, я не смотрю. Я просто... играю.

– Играешь ты, Кирюша, когда пальцы по струнам. – Тама-ра Васильевна поправила платок и прищурилась. – А когда глазами провожаешь – это не игра. Это интерес. Я в твои годы тоже так смотрела на твоего деда. Он на заводе работал, в соседнем цехе. Я всё мимо его станка ходила – то за инструментом, то за чертежом. А он думал, что я просто мимо. А я не просто. И ты не просто.

Кирилл ничего не ответил. Просто взял гитару и начал наигрывать что-то новое – мелодию, которая сама родилась в голове после очередного утреннего явления рыжего вихря. Быстрая, лёгкая, с переливами – как она сама. Мелодия начиналась с верхних нот, звонких и прозрачных, как утренний свет, а потом уходила вниз, к чему-то более глубокому, задумчивому. Он ещё не знал, что однажды назовёт её «Алиса в Стране чудес». Он вообще многого ещё не знал.

Алиса не знала ничего этого. Она просыпалась по будильнику, иногда просыпала, хватала сумку, целовала маму в щёку и вылетала из квартиры. В её мире не было уличных музыкантов – только расписание, дедлайны и бесконечный бег. Она училась на втором курсе реставрационного отделения, работала в художественной школе для детей и помогала родителям оплачивать обучение. Времени не хватало ни на что, кроме самого необходимого. И даже необходимое ино-

гда пролетало мимо – как тот самый музыкант, которого она видела краем глаза, но никогда не слышала.

Музыка в её наушниках заменяла весь внешний мир. И она не знала, что где-то там, за стеной её собственного плей-листа, уже звучит мелодия, написанная специально для неё.

Глава 2. Кофе и круассан

Будильник прозвенел в семь пятнадцать. Алиса накрыла его подушкой, перевернулась на другой бок и снова закрыла глаза. Ей снился странный сон – будто она стоит посреди Арбата, а вокруг неё играет оркестр из одних только гитар, и все они звучат в унисон, и этот звук такой громкий, что она не слышит собственных мыслей. А потом она понимает, что это не оркестр, а один-единственный музыкант с длинными пальцами и зелёными глазами, и он смотрит прямо на неё, и его губы шевелятся, будто он что-то говорит, но она не может разобрать ни слова.

Через десять минут будильник зазвонил опять – и она подскочила как ошпаренная.

– Проспала. Опять.

В комнату заглянула мама – уже одетая, с чашкой кофе в руке. От неё пахло духами, лёгкими и цветочными, и Алиса на секунду вспомнила детство: как мама собиралась на работу, а она, маленькая, сидела на кровати и смотрела, как мама красит ресницы перед зеркалом. Теперь они менялись ролями – мама уже не работала, вышла на пенсию, но всё равно вставала рано, по привычке, чтобы проводить дочь.

– Алиса, ты же говорила, что сегодня к первой паре. Круассан на столе. Я с вечера купила, знала, что проспишь.

Кофе с собой дам.

– Мам, ты мой спаситель. Если бы не ты, я бы вообще не ела.

– Ты и так не ешь, – мама вздохнула. – Вчера ужин пропустила. Позавчера – только чай. Я же вижу, Алиска. Ты себя совсем загнала.

– Мам, ну не начинай. У меня сессия скоро, сама знаешь. Вот сдам всё – и буду спать целую неделю. И есть. И смотреть сериалы. Честное слово.

Мама ничего не ответила, но взгляд у неё был такой, какой бывает у матерей, когда они знают, что дочь врёт, но не хотят давить. Она просто протянула Алисе стаканчик с кофе, который уже успела приготовить, и пакет с круассаном.

Алиса вскочила с кровати, натянула джинсы и первый попавшийся свитер – он оказался немного великоват и пах стиральным порошком, – схватила круассан со стола и, жуя его на ходу, вылетела в коридор. Мама только вздохнула – она давно привыкла к такому режиму дочери. Но где-то глубоко внутри, в том месте, где живут материнские тревоги, она каждый раз сжималась от страха: а вдруг однажды Алиса не выдержит?

Катино кафе находилось на углу их дома – маленькое, уютное, с жёлтыми стенами и живыми цветами на подоконниках. Катя открыла его два года назад, вложив все свои сбережения и немного родительской помощи, и с тех пор оно стало не просто бизнесом, а чем-то вроде второго дома –

для неё самой, для Дениса, для Алисы, для всех, кто заходил сюда выпить кофе и съесть круассан. Здесь пахло корицей и свежей выпечкой, а по утрам играло старое радио, которое Катя принципиально не меняла на современную колонку. Она говорила, что у радио есть душа, а у колонок – только басы.

Катя была не просто хозяйкой кафе – она была девушкой Дениса, старшего брата Алисы, и её лучшей подругой. Они жили в том же доме, что и Алиса с родителями, только двумя этажами выше. И каждое утро Алиса забегала к Кате за кофе – иногда успевая перекинуться парой слов, иногда просто хватая стаканчик и убегая. Катя давно смирилась с этим и даже не обижалась – она знала, что Алиса не со зла, а просто потому, что живёт в другом темпе, с которым обычные люди не справляются.

Сегодня Алиса влетела в кафе, чуть не сбив с ног пожилого мужчину с газетой. Колокольчик над входом испуганно звякнул, и мужчина что-то недовольно пробурчал себе под нос – кажется, про «современную молодёжь, которая никуда не смотрит». Алиса даже не заметила.

– Ты опять, – Катя стояла за стойкой и выразительно смотрела на подругу. Она была в своём неизменном рабочем фартуке, с забранными в хвост волосами и той особой утренней бодростью, которая бывает только у людей, привыкших вставать в пять утра. – Алиса. Ты думаешь, я не вижу, что ты ешь на завтрак? Круассан. Одним движением. Как будто ты

не человек, а какой-то... пылесос для выпечки.

– Умру я, если опоздаю на пару к Яблонской, – пробор-мotala Алиса, дожёвывая круассан и уже протягивая руку к стаканчику с кофе, который Катя предусмотрительно пригот-овила заранее. Кофе был именно такой, как она любила – капучино с корицей, горячий, с плотной пенкой. Катя знала.

– Я знаю твой распорядок. Кофе – и бегом. Но у меня для тебя сюрприз. – Катя протянула бумажный пакет с надписью «Не вздумай съесть это на бегу, сядь хотя бы на две мину-ты». – Сэндвич. С корицей и зеленью. Съешь на перемене. И не смей говорить, что забыла. Я проверю. У меня есть свои источники.

– У тебя есть моя мама в качестве источника, – Алиса за-глянула в пакет и улыбнулась – виновато, но благодарно. – Ты слишком хорошая для моего брата.

– Я знаю, – Катя усмехнулась и принялась протирать ко-фемашину. – Поэтому он меня и держится. Беги уже. И пе-редай Яблонской, что если она тебя съест, я приду и съем её. У меня сегодня смена до восьми, я могу успеть.

– Ты сначала закрой кафе, а потом уже угрожай препода-вателям, – Алиса схватила стаканчик и пакет и направилась к выходу. – Кстати, как там Денис? Он вчера опять ноутбук до трёх ночи терзал, я слышала, как ты на него шипела.

– Денис – это отдельная тема. Он решил, что хочет вы-учить французский. В три часа ночи. По ютубу. С субтитра-ми. Я чуть не убила его подушкой.

– Прикольно, – Алиса фыркнула. – Передай ему, что если он ещё раз будет учить французский по ночам, я сама приду и отберу ноутбук. У меня опыта больше – я тебе целых два года преподаю детям, знаю, как обращаться с трудными учениками.

Она выскочила из кафе, вдохнула тёплый майский воздух и побежала в сторону метро. Наушники снова заняли своё место, отрезая городской шум. Она пронеслась мимо сквера, мимо лотка с пионами, мимо уличного музыканта, который как раз начинал играть что-то медленное и красивое. Она его не услышала. Её собственный плейлист – что-то ритмичное, бодрое, подходящее для бега – заглушал всё. И она не знала, что музыкант на секунду перестал играть, когда она пробежала мимо, и посмотрел ей вслед. И что его бабушка, сидевшая неподалёку на лавочке с пакетом из булочной, покачала головой и сказала:

– Опять пробежала. Худая-то какая. Кирюша, ты бы её покормил, что ли.

– Бабушка, я с ней даже не знаком.

– Ну так познакомься. Что ты как неродной.

Глава 3. Силуэт

День в университете тянулся бесконечно. Яблонская – сухая, прямая как жердь, с вечно поджатыми губами и острым взглядом поверх очков – монотонно диктовала про технологию левкаса. Левкас – это грунтовка, основа для иконописи, и Яблонская знала о нём всё: состав, историю, способы нанесения, температурные режимы, типичные ошибки реставраторов. Она могла говорить о левкасе часами, и, кажется, это доставляло ей искреннее удовольствие.

Солнце за окном медленно ползло по подоконнику, нагревая деревянную раму. Пылинки танцевали в солнечных лучах над партами. В аудитории пахло мелом, бумагой и чуть-чуть – скипидаром из соседней мастерской. Алиса старательно записывала, но рука сама собой ушла в сторону. Она не заметила, как это вышло. Просто вдруг на полях тетради появился быстрый набросок: утренняя улица, фонарь, смутный силуэт человека с гитарой. Несколько линий – и фигура уже дышала. Она поймала движение, которого даже не видела сознательно: посадку головы, изгиб плеча, длинные пальцы на грифе. Карандаш скользил по бумаге легко, будто сам знал, что рисовать. Алиса даже не задумывалась – просто рука помнила. И это было странно, потому что она ни разу не

видела этого музыканта по-настоящему. Только краем глаза. Только силуэт.

– Алиса, – голос Яблонской прозвучал как гром среди ясного неба. – Вы меня слушаете или рисуете?

В аудитории стало тихо. Маша, сидевшая за соседней партой, незаметно пнула её ногой под столом. Алиса чуть приподняла тетрадь, демонстрируя исписанную страницу. Набросок остался прикрытым ладонью.

– Слушаю. Записываю. Левкас, семнадцатый век, яичная темпера.

Яблонская поджала губы, но отвернулась к доске. Алиса выдохнула и переглянулась с Машей. Та покосилась на рисунок и тихо хмыкнула:

– Это с Арбата, что ли? Тот музыкант, мимо которого ты бегаешь?

– С Арбата, – Алиса пожала плечами, стараясь говорить шёпотом. – Там один играет каждое утро. Я его даже не слышала ни разу. Просто силуэт красивый.

– Просто силуэт? – Маша подняла бровь. – Ты нарисовала его по памяти, Алис. И он у тебя получился живым. Ты вообще понимаешь, что это значит?

– Что я устала и мне скучно на лекции?

– Что он тебе нравится. Ты просто ещё не поняла.

Алиса хотела возразить, но Яблонская снова повернулась к аудитории, и она замолчала. Но слова Маши засели в голове. «Он тебе нравится». Глупость. Она его даже не знает.

Она даже лица его не видела толком.

На следующее утро она снова проходила мимо него. На этот раз – чуть медленнее, чем обычно. Вчерашний разговор с Машей почему-то не выходил из головы. Она достала телефон, будто для того, чтобы проверить время, а на самом деле – чтобы посмотреть на него хоть пару секунд, не привлекая внимания. Потом всё-таки включила камеру и сделала снимок: толпа полукругом, фигуры в лёгкой майской одежде, кто-то с ребёнком на плечах, а в центре – музыкант с гитарой, чьё лицо почти скрыто тенью от фонаря. Чистая композиция. Отличный референс. Она опустила камеру и пошла дальше, не оглядываясь.

Кирилл в этот момент доигрывал переход между куплетами. Он заметил её – рыжие кудри мелькнули в стороне от толпы. Телефон в её руках был направлен не на него, а на людей. Она снимала толпу. Но что-то в её позе – какая-то особенная сосредоточенность – заставило его подумать, что, может быть, она снимает не только толпу. Может быть, и его тоже. Может быть, даже в первую очередь – его.

Она опустила камеру, посмотрела на экран, что-то пролистнула и, не поднимая глаз, пошла дальше. Кирилл проводил её взглядом до поворота и чуть не сбился с ритма – но вовремя спохватился. Кто-то из слушателей, кажется, заметил его заминку, потому что в толпе тихо засмеялись. Кирилл не обратил внимания.

Вечером того же дня Алиса сидела у себя в комнате и рас-

сматривала фото на ноутбуке. Комната была маленькая, но уютная: старый письменный стол, заваленный скетчбуками и карандашами, книжная полка, которую папа сколотил ещё когда она пошла в первый класс, и вид из окна на старый московский двор с качелями и голубятней. Толпа на снимке вышла живой: движение, свет, тени. А силуэт в центре... Она приблизила изображение и вдруг заметила то, чего не увидела днём: музыкант смотрел прямо в камеру. Взгляд был спокойный, внимательный – будто он знал, что она его снимает. Будто ждал этого.

– Прикольно, – пробормотала она и откинулась на спинку стула.

Это слово она говорила с начальной школы. Когда-то, в третьем классе, учительница даже делала ей замечания: «Алиса, нельзя на всё говорить "прикольно"». Алиса пыталась исправиться, но слово прилипло. Оно было её фишкой, её маленьким фирменным знаком, от которого она никогда по-настоящему не хотела избавляться. Мама говорила, что это пройдёт с возрастом. Не прошло. Папа говорил, что это лучше, чем ругаться матом. И в этом он был прав. «Прикольно» вмещало в себя всё: удивление, радость, растерянность, нежность. Иногда – грусть. Иногда – «я не знаю, что сказать, но мне нужно что-то сказать». Это слово было её щитом и её мостом – способом выразить эмоцию, не раскрывая себя полностью.

Она закрыла ноутбук и легла спать, но перед сном ещё

долго думала о том, почему музыкант смотрел именно в камеру. И почему этот взгляд не выходил у неё из головы.

Глава 4. Бумажный подарок

Воскресенье выдалось солнечным и тёплым – идеальный майский день. Один из тех дней, когда Москва вдруг становится похожей на южный город: небо синее до рези в глазах, воздух прозрачный, и даже выхлопные газы куда-то исчезают, уступая место запаху сирени и свежескошенной травы. Алиса проснулась раньше будильника, что случалось с ней крайне редко. Солнце уже заливало комнату, и где-то за окном чирикали воробьи, устроившие гнездо под карнизом. Она лежала, глядя в потолок, и думала. Вчерашний снимок не выходил из головы. Этот взгляд. Этот музыкант. Что-то было в нём такое – какая-то тихая, спокойная уверенность, – что заставляло её возвращаться к мыслям о нём снова и снова.

Она встала, подошла к столу и посмотрела на свой скетчбук. На странице – тот самый набросок: толпа, фонарь, силуэт с гитарой. Она провела пальцем по карандашным линиям и вдруг решилась. Почему нет? Она же художник. Художники дарят людям рисунки. Это нормально. Это не значит ничего особенного. Просто красивый жест.

Через полчаса она уже шла по Арбату. В одной руке – кофе, в другой – вырванный из скетчбука листок, сложенный вчетверо. Она не стала подписывать, только в нижнем

углу мелко вывела «А.Р.» – инициалы. Не из скромности, а скорее из какого-то суеверного чувства: будто если она подпишется полностью, это будет слишком. Слишком лично. Слишком откровенно.

Музыкант был на своём месте. Он как раз настраивал гитару, склонив голову и прислушиваясь к звуку. Вокруг него пока почти никого не было – только пара ранних туристов с картами, которые явно заблудились, да старушка с собачкой, которая остановилась передохнуть на лавочке. Воскресное утро, все спят.

Алиса подошла ближе. Сердце колотилось быстрее обычного, хотя она не делала ничего особенного – просто проходила мимо уличного музыканта. Она нагнулась к чехлу, положила туда сложенную купюру в пятьсот рублей и рисунок, прижав их камешком, чтобы не улетели. На секунду замерла, глядя на свои руки, которые всё ещё держали камешек – будто она не могла отпустить его, будто этот простой жест требовал больше смелости, чем она ожидала. Потом выпрямилась и быстро пошла дальше, не оборачиваясь. Щёки горели.

Кирилл опустил взгляд на чехол. Среди монет и смятых купюр лежал карандашный набросок – его собственная улица, его слушатели, его гитара. И силуэт в центре, который, без сомнения, был им. Он поднял рисунок. Пальцы держали лист бережно, словно хрупкую вещь. Он смотрел на набросок долго – дольше, чем требовалось, чтобы просто рассмот-

реть. Толпа на рисунке дышала, фигуры были едва намечены, но живые, схваченные в движении. А в центре – он. Без лица, без деталей, но безошибочно узнаваемый.

Он перевернул листок – может быть, там подпись, имя, что-то. В нижнем углу – крошечные буквы: «А.Р.» Алиса? Арина? Ася? Он провёл пальцем по краю листа и улыбнулся. Загадка в наушниках. Девушка, которая рисует его, не слыша ни единой ноты. Девушка, которая бежит мимо с кофе и круассаном, а теперь – дарит ему рисунки на пятьсот рублей. Пятьсот рублей – это много для уличного музыканта. Обычно бросают мелочь. Она положила купюру. Может быть, хотела, чтобы он заметил. Может быть, просто не нашла мелочь. Но он заметил. И сохранил.

– Что там, Кирюша? – Тамара Васильевна, проходившая мимо с сумкой из булочной, заглянула через его плечо. В сумке лежал свежий батон и, кажется, ватрушки – от неё пахло сдобой и ванилью. – Дай-ка посмотрю. Что это у тебя?

– Рисунок. Она меня нарисовала.

– Рыжая? – бабушка прищурилась, взяла листок и внимательно рассмотрела. Она держала его на вытянутой руке, щурясь – зрение уже было не то, что в молодости, но она всё ещё видела главное. Потом кивнула, возвращая рисунок. – Хорошая девочка. Талантливая. И характер есть – раз решилась подойти и оставить, значит, не робкого десятка. Ты смотри, Кирюша, не упusti. Такие, как она, на дороге не валяются. И не бегают каждый день мимо тебя просто так. Может, это

судьба.

– Бабушка, ну какая судьба? Она даже не знает моего имени.

– Зато ты знаешь её лицо. И она знает твоё – вон как нарисовала. По памяти, небось. А по памяти так не рисуют, если человек безразличен. Так что не спорь со старшими. Я жизнь прожила, я знаю.

Кирилл убрал рисунок в карман куртки, туда, где обычно лежал медиатор. И заиграл – на этот раз что-то новое, что сочинял по ночам и никому не показывал. Мелодию, которую он позже назовёт «Алиса в Стране чудес». Она начиналась с тихих, осторожных нот – как первые шаги по незнакомой тропе, – а потом разрасталась, становилась сложнее, глубже. Он играл и думал о том, что, может быть, бабушка права. Может быть, это и правда судьба.

Глава 5. Алиса в Стране чудес

Дождь обрушился на Москву внезапно – как будто май вспомнил, что он всего лишь середина весны, а не лето, и решил напомнить об этом всем. Серые тучи затянули небо за полчаса, и город, только что купавшийся в солнечном свете, погрузился в сумрак. Косые струи хлестали по мостовой, порывистый ветер выворачивал зонты наизнанку, и прохожие разбегались кто куда – в метро, в кафе, под козырьки магазинов.

Кирилл в то утро на Арбат не вышел. Играть под ливнем было бессмысленно – струны намокнут, гитара расстроится, да и слушателей в такую погоду не соберёшь. Вместо этого он сидел в маленькой кофейне за углом, за тем самым столиком у окна, который стал его любимым. Перед ним стояла чашка американо, уже почти остывшая, а рядом лежал вчерашний рисунок – он взял его с собой, сам не зная зачем. Просто не захотел оставлять дома. Просто хотел, чтобы он был рядом.

Дождь барабанил по стеклу, и звук этот был похож на музыку – ритмичный, успокаивающий. Кирилл смотрел на потоки воды, стекающие по стеклу, и думал о том, что этот дождь похож на мелодию, которую он пытался сочинить последние несколько дней. Она всё не давалась ему – то слишком быстрая, то слишком медленная, то неуловимо уходя-

щая в сторону, когда он пытался её записать. Может быть, она рождалась из этого дождя. Из серого неба. Из ожидания.

Он провёл пальцем по краю рисунка и вдруг заметил в нижнем углу крошечные буквы, почти не различимые – «А.Р.» И всё. Ни телефона, ни фамилии. Только инициалы, вписанные так, будто она сомневалась, стоит ли подписывать вообще. Алиса? Арина? Ася? Он перебирал в уме женские имена на «А», и все они казались неподходящими. Кроме одного. Алиса. Ей подходило. Рыжее, необычное, с характером. Как и она сама.

Алиса в это время стояла под козырьком школы искусств после работы и смотрела на стену дождя. Смена закончилась полчаса назад, но выходить на улицу было безумием – она промокла бы до нитки за две секунды. Дети сегодня рисовали акварелью весенний пейзаж, и она до сих пор чувствовала запах краски на пальцах. Она смотрела на дождь и думала о том, что надо было взять зонт. И о том, что мама опять будет ворчать, если она придёт домой мокрая. И о том, что завтра – новая пара у Яблонской. И о музыканте с Арбата, который сегодня, наверное, не играет из-за дождя. Интересно, где он сейчас? Сидит в какой-нибудь кофейне? Или дома, с гитарой, сочиняет что-то новое?

Телефон пиликнул. Сообщение от Дани, парня с параллельного потока, архитектора, с которым она недавно ходила в музей. Она сохранила его номер после того самого воскресенья в Пушкинском – просто так, на всякий случай, не

думая, что этот «всякий случай» наступит так скоро.

«Ты как? Видел прогноз, там до ночи дождь. Если ты где-то застряла, могу подъехать. У меня машина».

Машина. Серебристый седан, который ему подарил отец на двадцатилетие. Даня гордился этим подарком – и, кажется, гордился возможностью подвозить Алису. Он упоминал об этом пару раз, когда они разговаривали в университете. «Отец сказал – взрослый парень, должна быть своя машина». И Даня, получив ключи, кажется, почувствовал себя не просто взрослым, а кем-то, кто может заботиться о других. Везти. Встречать. Ждать.

Она вздохнула и набрала ответ: «Ладно. Школа искусств на Пречистенке. Только без ромашек на этот раз».

Ответ прилетел мгновенно: «Без ромашек. Только зонт и чай в термосе. Буду через пятнадцать минут».

Он приехал даже раньше. Серебристый седан притормозил у тротуара, и из него выскочил всклокоченный архитектор с огромным чёрным зонтом. Он раскрыл его на бегу и подлетел к Алисе, стараясь держать зонт над ней, пока сам мок под дождём. С его волос капало, на рубашке расплывалось мокрое пятно, но он, казалось, этого не замечал.

– Залезай! Там термос с чаем, честное слово. И печенье. Катя передала, когда узнала, что я за тобой еду.

– Катя? – Алиса забралась в салон, пахнувший кофе и дождём, и уставилась на него. Внутри было тепло и сухо, и пахло чем-то ещё – его парфюмом, кажется. Чем-то свежим, с

древесными нотками. – Ты знаком с Катей?

– Ну... – Даня обежал машину, плюхнулся на водительское сиденье и захлопнул дверь. С его волос всё ещё капало, и он вытер лицо рукавом, прежде чем ответить. – Я заходил в то кафе на углу. Пару раз. Твоя подруга очень... э-э-э... бдительная. Она меня допросила с пристрастием, прежде чем дать печенье. Спросила, кто я, откуда, какие у меня намерения и не состою ли я на учёте в полиции.

– Она спросила про полицию?!

– Ну, может, не про полицию. Но что-то очень похожее. Я чуть не поседел. – Даня улыбнулся, и улыбка у него была открытая, располагающая. – Но печенье дала. Овсяное, с клюквой. И сказала: «Если обидишь её – я тебя найду». Кажется, она это серьёзно.

– Катя всегда серьёзно, когда дело касается меня, – Алиса усмехнулась. – Мы с ней как сёстры. Даже ближе. Она меня знает лучше, чем я сама.

– Это заметно, – Даня завёл мотор. – Куда едем? Домой? Или, может, заскочим куда-нибудь перекусить? Я знаю тут недалеко одно место, там отличные сырники.

– Домой, – сказала Алиса. – У меня завтра пара к первой, и если я не выплусь, Яблонская меня съест. А она не такая добрая, как Катя.

– Яблонская – это та, которая преподаёт реставрацию?

– Она самая. Суровая, как зима в Сибири, и требовательная, как... даже не знаю, как кто. Просто очень требователь-

ная.

– Моя преподавательница по архитектурной композиции такая же, – Даня кивнул. – Говорит, что мы все бездари, но иногда – редко – хвалит. И это дорогого стоит. Когда она хвалит, хочется плакать от счастья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.